

Круглый стол
"РОССИЯ ПРОТИВ КРИЗИСА: КТО ПОБЕДИТ?"

Докладчик — Сергей Константинович ДУБИНИН,
член Совета директоров ВТБ Капитал, Инвестиционного бизнеса группы ВТБ, член СВОП

21 октября 2009 г., филиал ГУ-ВШЭ на Покровском бульваре д.11, ауд. Г-313

— **Караганов.** Сегодня выступает Сергей Константинович Дубинин, написавший книгу, которую мы будем обсуждать. За выступлением Сергея Константиновича стоит еще одна интрига. Он, как и группа людей вокруг него и рядом с ним, в последние 2—3 года стали двигать идею о необходимости движения нашей страны к стратегическому союзу с США. Эта идея требует изрядного политического мужества в нынешних условиях. Впервые с ней Сергей Константинович выступил еще до избрания [Барака] Обамы [президентом США], когда это для многих звучало опасной политической ахинеей, даже не ересью, а хуже. Тем не менее, какое-то количество людей его поддержало. И эта идея положена в основу книжки «Россия против кризиса: кто победит?» В книге очень много того, что автор выстрадал в последние годы. Она — плод размышлений специалиста, интеллигента, русского патриота, либерала и демократа.

— **Дубинин.** Давайте попробуем включить слайд-презентацию. По ходу презентации многое будет уточняться. Мы ее назвали «Уроки кризиса и российское общество». Это действительно то, о чем я хотел написать в книге. Начиналось это еще до того, как кризис принял столь масштабный характер, т. е. мы договорились с издательством «Олимп» о подготовке этого текста где-то в июне 2008 года. Можно сказать, продолжая ностальгическую тему, что я попытался выполнить в какой-то части или поставить по крайней мере вопросы относительно того, как выглядит сегодняшняя Россия, выполняя указания генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова, который когда-то сказал, что мы плохо знаем страну, в которой живем. И до сих пор с моей точки зрения очень много дискуссий базируется не столько на осмыслении реально происходящего в стране, сколько на повторении дискуссии по мифам по нашей истории, по тому, как складывалась история страны. И отсюда выводятся некие политизированные закономерности. Это мешает с моей точки зрения и изучению истории, и изучению современности. Я не берусь кого-то поучать. Книга написана в жанре, как называют англичане, science writing, т. е. скорее научно-популярном. Это не претензия на академический фолиант. Это позволяло конечно залезать в чужие абсолютно для меня сферы социологии, политологии, той же истории. Но что получилось, то получилось.

Давайте по слайдам. Уроки кризиса. Первое, что я хотел сказать, это то, что кризис действительно глобальный в масштабах всей мировой экономики. Но проблемы, с которыми мы в России сталкиваемся, это прежде всего проблемы национальной модели социально-экономического развития. И они вскрылись в период кризиса очень ярко. При этом мы увидели, что оказывается, мы совсем не принадлежим к странам БРИК. С моей точки зрения это просто очевидно. Я сейчас скажу, почему. Прежде всего ясно, что страны БРИК — это страны, сохранившие положительный темп роста. А мы живем совершенно в темпе стран Восточной Европы, примерно на том же уровне спада.

Следующий слайд. Наши общие показатели где-то между Польшей, которая живет в кризис явно лучше остальных восточноевропейских стран, и Украиной или Румынией. Т. е. произошел достаточно глубокий спад ВВП, очень глубокое снижение инвестиций в основной капитал. Инфляция при этом сохраняется. И мы снова оказались в ситуации стагфляции, как и в 90-е годы. На 40% обесценилась национальная валюта и растет до сих пор безработица. Сейчас, наверное, это стабилизировалось, но уровень достаточно высокий.

Дальше. Мы видим одновременно, что в международном сообществе происходит одно совещание за другим, происходят некие декларации. Причем они полезные, я считаю, глубоко полезные, потому что как бы договорились не злоупотреблять протекционизмом, не форсировать — «покупай американское», «покупай русское» и все эти темы. И более или менее соблюдается, хотя нельзя сказать, что полностью соблюдается. И мы здесь грешим очень сильно, хотя есть и другие, кто вводит протекционистские меры. Урок номер три для меня — это то, что международное сообщество не располагает сегодня эффективными методами ко-

ординации экономической политики. Практически идет этот процесс выработки деклараций, а дальше начинают работать сами по себе, причем наиболее эффективно в своих валютных зонах. Там, где обращается доллар США, там реально регулирующие органы этой страны оказывают принципиальное воздействие. Они приняли совершенно отличную от европейской стратегию регулирования, то, что они называют quantitative easing, т. е. «количественное смягчение», т. е. они заливают ликвидностью долларовую зону для поддержания стабильности институтов. Иногда там журналисты выражаются, что «разбрасывают деньги с вертолета», потому что это такой старый образ, когда-то было сказано, что если бы был серьезный кризис, то надо было бы ездить по Бродвею и раскидывать с извозчика деньги. А потом поправили, что с извозчика теперь неэффективно раскидывать, давайте будем с вертолета разбрасывать. Бернанке они так и называют Бернанке-вертолет. И это реально производится.

С другой стороны европейское сообщество, у которого совершенно иные проблемы в этом смысле, там регулирующий орган еврозоны — Европейский Банк, это центральный банк, регулирующий выпуск евро, — он не может себе этого позволить, потому что в основе лежат совершенно разные страны — ФРГ, скажем, и Греция. Все они нарушают Маастрихтское соглашение, но настолько серьезная разница в экономике, что различие их ценных бумаг просто колоссальное. Между собой различаются просто на порядок по величине, по цене государственные ценные бумаги той или другой страны.

Таким образом, единства этого не выработано. И программы тоже нет общей, нет общей американской, европейской или развивающихся рынков. Т. е. каждая страна в общем пока движется в каком-то своем направлении, но при этом все-таки обращая внимание на окружающих, т. е. не пришли к торговым войнам, к столкновениям, к расколу мирового хозяйства на самостоятельные какие-то противостоящие зоны. И это, в общем, положительно. Таким образом, по всей видимости, все будет зависеть от того, как каждый из этих крупных кусков будет выходить самостоятельно из кризиса. Китай, Индия, Бразилия, т. е. страны, которые, можно сказать, идут в своем ритме, они все-таки не стали локомотивами экономического роста в этом мировом кризисе. И соответственно постсоциалистические экономики идут в русле экономики Западной Европы. Это мы тоже видим наглядно.

Следующий слайд. Здесь мы говорим о российской ситуации. Российское частное предпринимательство показало достаточно низкий уровень эффективности. Да, конечно, в каких-то конкретных предприятиях всегда можно сказать, что в металлургии, цветной металлургии внедряются новые технологические процессы. Нефтяники применяют самые современные способы добычи. Но потом эти средства, полученные из этого производства, перераспределяются совершенно исходя из других соображений. Это недавняя ставшая сенсацией публикация о том, как накануне кризиса выплатили дивиденды в колоссальном объеме наши как раз эти суперхолдинги, конгломераты, которые владеют нашими основными производителями экспортной продукции. Но есть и другие свидетельства все того же, что эти конгломераты не инвестируют в основной капитал, а инвестируют в захват новых и новых активов. Эти активы они соответственно потом используют для залога и для получения кредитов. Т. е. максимизация оборотов, влияние на финансовые потоки для них гораздо важнее, чем, скажем, модернизация экономики. Это негативный результат оценки той модели экономики, которая сложилась сегодня в России.

Следующий мой урок, что и наше государственное регулирование оказалось достаточно малоэффективным. Нужно отдать должное денежным властям — Центральному Банку и Минфину прежде всего — я именно это хочу выделить, что в самый острый момент осенью 2008 года были приняты меры, даже не дожидаясь примера западных стран, по выделению средств в колоссальном объеме. И с помощью выделенной ликвидности опять же был залит этот кризисный момент, были приняты решения о предоставлении гарантий по межбанковскому рынку и т. д. Т. е. этот кредитный клинч, который возник, crunch, который сложился, когда никто никому не доверял, боялись друг другу дать просто деньги, остановилась экономика. Был такой момент год назад, когда реально расчеты встали. Это удалось преодолеть. Это был очень опасный момент, т. е. можно было свалиться очень глубоко. И в этот момент денежные власти сделали то, что нужно. Но дальнейшая накачка ликвидности в экономику собственно не ведет к возобновлению роста. Это уже очевидно.

Следующий слайд. Также очевидно, это уже давно все повторяется нами, что требуется колоссальный объем инвестиций, которые необходимо вложить в инфраструктуру, в соци-

альную инфраструктуру, в технологическую, просто в обновление основных производств. Я в последние годы работал в Газпроме, в РАО ЕЭС. Я не инженер, но я знаю, насколько уже устарели все эти технологии, насколько нам нужны современные технологии. Наша типовая энергетика потребляет на 40% больше природного газа на производство киловатт-часа, чем в Европе в целом. Т. е. мы не можем себе позволить дальше жить в этих условиях, но и этих [инвестиционных] средств у нас внутри страны не генерируется по целому ряду причин. Это требует отдельного очень большого разговора. Я бы мог туда углубиться и начать в очередной раз спорить, почему наша банковская система не генерирует трансформацию сбережений в инвестиции. Но это факт, что этого не происходит в должной мере. И наши крупнейшие холдинги, конгломераты не вкладывают в основной капитал так, как это должно было бы быть для модернизации экономики. Эта проблема очень болезненная. Остается реально уповать на то, что все-таки иностранные инвестиции придут. Но если мы будем просто просить об этом или молиться Богу или не знаю кому об этом, то ничего не получится. Нужно работать над этим.

Следующий слайд. Одновременно с этим мы должны сказать, что перспективы у нас достаточно сложные на ближайшие два-три года. Средств в бюджете хватает еле-еле на выполнение социальных обязательств. При этом тратится Резервный Фонд. Уже пошел в ход Фонд национального благосостояния. И российское государство просто не располагает — ни бюджет, ни частный сектор — нужным объемом ресурсов для этих инвестиций.

Дальше. И здесь я бы хотел перейти от этого экономического диагноза к некоторым другим темам, где я попадаю немножко в чужие области. Современное российское общество — это общество, которое завершило переход от преимущественно сельского к городскому. И вообще мы знаем, что буквально в течение ближайших 20—25 лет большинство населения Земли станет жить в городах. До этого на протяжении веков большинство населения в глобальном масштабе жило в сельской местности. И сегодня сельское население преобладает количественно, но тенденция совершенно очевидна. Она происходит везде — в первом, в третьем мире, во втором мире — по-разному, но складывается городское общество. Города очень разные. Это тоже отдельная большая тема. К чему ближе Москва как город? К агломерату типа Лагоса в Нигерии, либо к городскому агломерату типа Нью-Йорка, где развитая инфраструктура и т. д. Это большая, большая самостоятельная тема. Я в ней небольшой специалист, но мы просто видим наглядно, как это происходит. И перед нами поэтому альтернатива, если ее глобально выразить так, как она здесь сформулирована, т. е. постсоциалистическое общество (кстати и восточноевропейские общества стоят перед этим же выбором, и СНГ, и Россия) либо погрузится надолго и глубоко в «третий мир» и станет одной из стран energy markets, которые развиваются и развиваются, но как-то все никак не разовьются, либо все-таки пробьется и станет частью так называемого «первого мира». Есть уже классические примеры. Я один из первых скажу, похваляюсь, который стал его употреблять, это судьба Аргентины, чтобы было очень наглядно. Т. е. это страна, одна из наиболее развитых, которая в начале XX века производила броненосные крейсера, которые покупала Российская империя. Население там — испанцы по своим корням, северные итальянцы, потому что корабли из Генуи плыли в Аргентину, в Буэнос-Айрес, корабли из Палермо, вернее из Неаполя шли в Нью-Йорк, поэтому разные комьюнити складывались. Итальянское комьюнити в Аргентине — это наиболее процветающая, богатая часть общества и т. д., и наоборот. И тем не менее после перонистского режима, после серии диктатур это страна глубоко стагнирующая, типичная часть «третьего мира». Есть угроза, грубо говоря, повторить этот путь. Вполне реальная угроза для российского общества.

Здесь надо сказать еще об одной теме, которую у нас стараются политкорректно обойти. Современные государства сложились ведь относительно недавно, как мне кажется, после эпохи Просвещения, после того, как были провозглашены лозунги «Свобода! Равенство! Братство!» Свобода — понятно. Равенство — это социальное конечно равенство. А братство — это было национальное братство. И сегодняшние государства — это государства отдельных этносов, наций. Причем они во всем мире либо скатываются к национализму и авторитарному государству на этой основе, либо соответственно становятся общегражданскими национальными государствами. Но тем не менее остаются государствами какого-то этноса. Сегодня в России мы впервые имеем государство русского этноса, великорусского. Можно говорить, что это плохо. Я сам какие-то ностальгические чувства испытываю по Советскому Союзу и тем более по союзу с Украиной, Белоруссией, братскими народами и т. д. Но это реальность сегодня. И сегодня опять же перед нами стоит вопрос: станет ли национальное рус-

ское государство националистической автократией, либо это будет все-таки общегражданское национальное государство? У нас первый раз за всю историю страны больше 80% населения принадлежит к одному этносу. В царской империи этого не было. Только вместе с малороссами, белорусами добирали до этой квоты, так сказать, в 80 с лишним процентов населения. И многое из тех имперских времен в общем-то можно и сегодня наверное оценивать как эффективные способы жить вместе с другими этносами, когда в элиту имперскую включались элиты разных этносов. И на основе добровольной не ассимиляции, а включения, эти этносы через свою элиту участвовали в строительстве империи. Что-то подобное нам абсолютно необходимо выработать, до конца довести эту политику и здесь в России.

В Советском Союзе тоже была попытка это сделать, и частично она срабатывала. Собственно в этом и была возможность соединить эти этносы в одно государство. Но эффективность этого оказалась не столь высока, чтобы предотвратить дальнейший распад. И эти тенденции связаны также с тенденциями демографическими. Они, так же, как переселение людей из сельской местности в города, предопределяют очень многое. И собственно мой диагноз можно сказать, что эта проблема, связанная с отношением к другим этническим группам, к миграции, к решению демографических проблем — это, наверное, главный вызов, на который нужно дать сегодня ответ. И от этого будет зависеть судьба русского государства, российского.

Кстати, термин очень интересный. Имеет свою природу. Слова ведь значимы в русском обществе. Это литературно ориентированное общество. «Российское» — этот термин, насколько я понимаю, появился у историков, с Карамзина он утвердился, немножко раньше в XVIII веке. И одновременно где-то еще в XVII веке термина «украинцы» не было. Они себя называли русскими. Они себя называли рускими, с одним «с». И только потом, когда надо было уже отличаться от великороссов, там появились эти малороссы, украинцы и т. д., вплоть до маразма, когда там люди стали придумывать каких-то «древних укров» и прочее. У нас таких фантазий тоже хватает. Если почитать Фоменко, то можно такого начитать по российской истории, что не для слабонервных чтение.

Дальше мы, видимо, должны говорить о том, что сегодняшняя ситуация — это результат той четвертой русской революции 1991-93 годов, свидетелями которой мы все стали. И причем сегодняшний этап — это этап, который мы можем назвать в соответствии с классикой марксизма-ленинизма или Антонио Грамши об этом очень много писал интересно, — это откат революционной волны. По-моему, когда Владимир Владимирович Путин стал президентом, он сам не ожидал такой огромной общественной поддержки сразу. Для этого было многое сделано, но я не об этом сейчас хочу сказать. Общество уже созрело к этому откату. Люди сказали, да, понятно, все случившееся уже случилось, дайте пожить нормально. И это происходило после каждой революции. Кстати, эти вещи очень четко можно посмотреть, как в 1996 году уже были на грани отката. Там были варианты выбора, как он мог произойти. Это могло произойти в форме, скажем, отказа Ельцина от выборов вообще. Его к этому подталкивали силовики. И тогда бы они правили бал уже с 1996 года. Это могло произойти в форме выбора в президенты Зюганова, когда в Давосе в 1996 году ко мне подходил Маршалл Голдман и рассказывал, какой будет у вас хороший президент следующий, такой сбалансированный, такой разумный. Они все крутились уже вокруг Зюганова. Российская делегация, которую возглавлял Евгений Григорьевич Ясин, была усажена вся целиком в автобус и ехала из аэропорта в автобусе через всю страну в Давос. А Зюганову российский посол дал свою персональную машину. Он уже тоже знал, кто будет следующим российским президентом. К этому все шло. Понятно, что этот откат неизбежен, но глубина этого отката, где мы оказались, — это вопрос до сих пор еще до конца только мы сами можем определить и либо с этим согласится российская элита целиком, либо она чего-то другого будет добиваться.

Как вывод из всего сказанного: для обеспечения перелома в тенденции низкой эффективности экономики, для решения сегодняшних проблем нам необходимо стать частью этого «Северного полушария» полноценным демократическим государством, национальным гражданским обществом и т. д., и влиться в этот можно сказать союз. Но здесь возникают чисто политические проблемы. И мы видим, что страны ничем, честно скажем, качественно не отличающиеся от российского общества, сделавшие свой выбор и ставшие членами Европейского Союза, НАТО, они получают определенную гарантию за спиной, а мы, несмотря на то, что уже несколько десятилетий все наши военные проблемы, все столкновения, все это происходит на юге — Афганистан, Таджикистан, Чечня — примерно один и тот же противник,

тем не менее продолжаем всем нашим государством готовиться к каким-то фантастическим войнам там, на Западе, вместо того, чтобы сделать Запад своим тылом.

И отсюда тот самый вывод, о котором я говорил год назад после того, как только что прошла война с Грузией. Это вывод звучал довольно экстравагантно, что **нам нужен прямой военно-политический союз с Соединенными Штатами Америки**. До «перезагрузки» это все говорилось. Дай Бог, чтобы мы приблизились к этому в результате этой самой «перезагрузки».

— **Караганов.** Надо сказать, что этот вывод звучит сейчас, мне кажется, еще более актуально и странно, чем он выглядел даже год назад. Между тем, если вы заметили, на позапрошлой неделе была подписана серия концессий, отдающая российские территории нашим китайским друзьям и соседям. И выбор-то делается прямо на глазах очень интересный и тоже, весьма своеобразный. Он имеет под собой очень глубокие основы, в т. ч., я думаю, и ту основу, что тот самый Запад, или, вернее, европейская его часть отвергает нашу нынешнюю элиту и в значительной степени нас. Поэтому некоторая часть нынешней элиты, которая выступает от нашего имени, делает абсолютно понятный выбор, что раз нас отвергают там [на Западе], давайте мы сдадимся туда [на Восток, Китаю] и усилим свои позиции во взаимодействии с Западом. Эта проблема геополитической ориентации России сейчас стоит гораздо более остро, чем даже год назад, с моей точки зрения. Ее острота нарастает.

— **Ципко.** Спасибо за прекрасное выступление. Я начну с идеи, с которой я не согласен, с идеи возможности превращения современной России в типично европейское западное государство со ссылкой на 80%. Сергей Константинович, эта дискуссия конца 80-х годов. Многие помнят, я был противником распада, и этой идеи суверенитета РСФСР. Приведу аргументы. Не очень корректные сравнения. Национальные государства. Германия это вообще XIX век. Там происходило сближение этносов, но это было сближение различных частей, племен одного и того же этноса в рамках одной культуры, Бавария, Пруссия, Саксония, Рейн и т. д. Здесь это чрезвычайно сложно. Я вынужден напомнить, что Струве попытался эту проблему еще в 1909 году решить. Он ссылался на ваш факт. Там действительно 80% в целом русских, даже по переписи 1891 года была графа «русские», а потом были «великороссы», «малороссы» и «белорусы». И он объяснял, я повторю просто эти аргументы, которые он там приводил. Они актуальны до сих пор. Во-первых, мы имеем страну, где народы другой культуры, других вероисповеданий традиционно живут в своих государствах и имеют свою государственную память и государственную историю. И эта культурная идентичность сохраняется до сих пор. Посмотрите на современную Россию. Она осталась до сих пор империей. Ничего не изменилось. Напротив, с моей точки зрения, она большая империя. Там хотя бы были украинцы, ну, малороссы и белорусы, сейчас только великороссы. Поэтому любые разговоры о создании русского национального государства, где 80% этноса русские, вызывает протест и, на мой взгляд, только ускорит новую волну распада Российской Федерации. Это первое. Поэтому, как вы помните, Струве говорил, русское вообще никогда не было, и вы правильно ссылались на Карамзина, кстати, Карамзин же использовал первое слово «россиянин», впервые у него появилось. Идентификации никогда не было этнической. Она была культурная, религиозная, но никогда этническая. Мне кажется, что эта идея сейчас очень модная в современной России, но она имеет очень много подводных камней. По крайней мере, надо видеть качественную разницу между проблемой образования наций в Европе в XIX веке и попытками создать новую российскую нацию.

Второе, здесь я абсолютно согласен, очень точная мысль, что трагедия и ирония судьбы России состоит в том, что все реформаторы и крупные реформы исходили, как вы говорили, из неадекватного представления об этом так называемом архетипе. Реформу, которую мы начинали, перестройщики, когда-то я напишу, готовя июньский пленум ЦК КПСС, в кабинете Яковлева сидели, в живых остался, по-моему, уже только я, а еще Гавриил Харитонович Попов, больше никого нет. И какое было мнение? Будут реформы, плохо, что мы — это работники ЦК КПСС, что мы не можем сразу перейти к частной собственности и не можем освободиться от плановой системы, но если мы от этого в конце концов освободимся, появится независимый субъект, будет думать о своем будущем, то, что вы говорили, будет вкладывать деньги, интересы и т. д. Что мы получили? Мы получили распад в силу того, что мы абсо-

лютно не понимали, я абсолютно с вами согласен, что спустя 70 лет социалистического эксперимента на выходе это уникальный человеческий продукт. Честно говоря, еще неизвестно вообще, можно ли с этим человеческим продуктом что-то создать такое эффективное, конкурентоспособное и т. д. Это серьезная кстати проблема.

Посмотрите на судьбу ГДР. 40 лет всего лишь, немцы казалось бы, трудолюбивые. Сколько понадобилось денег, чтобы модернизировать бывшую экономику ГДР? Ее снесли, 2 трлн. долларов, а эффект? Безработица выше, а все остальное ниже. И поэтому я думаю, вы чрезвычайно правы. И самое опасное, вы за этим не следите, а я слежу за новым мифом. Во всех так называемых, на мой взгляд, патриотических различных клубах появляется, если либералы критиковали 90-е и исходили из этого русского архетипа, что говорили, он патерналистский, державнический, коллективистский, недооценивает материальное, нерационален, и говорили, что это плохо. Вы помните все эти дискуссии, кстати, либеральные миссии. Это были эти разговоры.

Теперь другая точка зрения. Бывшие лидеры Родины, везде десятки публикаций, мы впереди планеты всей, потому что мы коллективисты, мы духовное ставим выше и т. д. Но самое интересное, что анализ и русской литературы, и всех русских свидетельств, и русских пословиц говорит о том, что никогда не было этого народа, который любил коллективный труд и ставил коллективное выше. Не было этого. Возьмите Глеба Успенского, Энгельгардта. Плеханов когда-то же все это собрал вместе. Это был миф. Поэтому мне думается, что это чрезвычайно важная проблема: осознать, что мы реально имеем на выходе из 70-летней истории, и как приспособить реальную мотивацию реально существующего очень индивидуалистичного человека, более кстати индивидуалистичного, чем современный Запад. И это проблема, которую можно, зная это, можно решать вопросы модернизации, вопросы гражданского общества. Не зная, будет очередной миф.

— **Караганов.** Мне хотелось все-таки вернуть вас к тому, что говорил Сергей Константинович. Иначе мы каждый о своем любимом станем рассказывать. Сергей Константинович говорит, что нам нужно уцепиться за более передовую цивилизацию, потому что пока у нас ничего не получается. Ципко нам рассказал, почему не получается. Дал много объяснений очень хороших. Проблема в том, что мы находимся в процессе демодернизации в очередной раз в своем развитии. И условно говоря, Сергей Константинович и другие коллеги говорят, что давайте раз уж такое дело попробуем рвануть в другую сторону, зацепимся. Получится, не получится — следующий вопрос. Но это вопрос, который в конечном итоге будет решать российская элита. Российская элита пока ничего не решает.

— **Миллер.** Мне очень близка та цель, которая вами декларирована. Но мне кажется, что со средствами тут некоторая проблема. Когда вы говорите о том, что необходимое условие модернизации — это построение демократического общества, я совершенно согласен. Вы говорите о том, что у нас не получается этого сделать, я с этим тоже совершенно согласен. Я хочу даже сформулировать этот тезис в более общем виде. Мне представляется, что мы можем считать научно доказанным, по крайней мере на основании последних 20 лет, что ни одно посткоммунистическое общество не смогло консолидировать современную демократию без внешнего стабилизатора и каких-то мощных мотиваций, предоставленных извне. И отсюда следующий шаг вы делаете, что давайте сделаем ставку на стратегический союз с Соединенными Штатами. И тут у меня возникает вопрос. А может ли этот стратегический союз с Соединенными Штатами дать нам этот внешний стабилизатор и эту мотивацию? Мне представляется, что, я по крайней мере не вижу как, потому что если мы говорим о каких-то странах посткоммунистических, которые смогли консолидировать демократические структуры, это те страны, которые либо вступили в Европейский Союз, либо получили на короткую перспективу очень ясную перспективу членства в союзе. Куда нас могут принять Соединенные Штаты? В какую структуру, которая бы служила этим внешним стабилизатором и дала бы эти моральные еще и другие мотивации для нашей элиты, которая собственно никак не заинтересована ни в какой демократизации сама по себе? Это не значит, что такой союз с Соединенными Штатами бесполезен, вреден и т. д. Я думаю, что современное улучшение отношений между Вашингтоном и Москвой нам очень поможет в ближайшие несколько месяцев, когда на Украине будет происходить черт знает что в связи с выборами. И очень возможно возник-

новение ситуации, когда будет очень сильное искушение поиграть на этом, причем поиграть какими-то не очень конвенциональными средствами. И можно себе представить, насколько сильным было бы это искушение, если бы у нас были отношения как вчера с Бушем. Сегодня отношения таковы, что у нас все-таки в Москве, наверное, три раза подумают, прежде чем «колоть» Украину на две части, хотя такие возможности прекрасно существуют сегодня.

Если мы хотим получить этот внешний стабилизатор и если мы хотим получить достаточно мощные мотивации для демократического развития, то мне кажется, что надо на Европейский Союз смотреть. Следующий вопрос возникает: а тесная связь с Соединенными Штатами, представим себе, что она существует, в какой степени она помогает нам в отношениях с Европейским союзом? И здесь мне кажется, если мы посмотрим на тех людей в Европейском союзе, которые за последний год как-то стали все более активно говорить о том, что может быть все-таки давайте подумаем о «Большой Европе», чем эти люди мотивированы? Эти люди есть в Германии, есть в Италии и еще в разных местах. Они мотивированы среди прочего вопросом о том, может ли Европа войти в ту тройку, наряду с Соединенными Штатами и Китаем, которая будет определять лицо XXI века? Некоторые из них полагают, что для этого надо в эту Европу включать Россию. Некоторые из них полагают, что в эту Европу ни в коем случае нельзя включать Турцию ровно потому, что она слишком близко связана с Соединенными Штатами. Я просто говорю об этом, чтобы сигнализировать некоторое возможное противоречие.

Отсюда мой вывод и вопрос, как вы видите практически, как Соединенные Штаты могут помочь нам куда-то сдвинуться в демократическом направлении? Для этого все-таки нужны мощные рычаги.

— **Рыжков.** Сергей Константинович, вопрос такой. Я полностью поддерживаю постановку задачи: модернизация на демократической основе, вхождение в первый мир. Я полностью поддерживаю, что наилучшим союзником является «Север», т. е. то, что находится на севере планеты Земля. Я очень был впечатлен вашей лекцией еще до того, как грянул кризис в России. Вы делали здесь доклад о финансовом пузыре, который надулся в мире и который неизменно прорвется кризисом. Это еще было, подчеркиваю, до кризиса. Ваш прогноз полностью оправдался. В этой связи у меня вопрос насчет будущего, так как вы в моих глазах после того доклада еще больший авторитет, чем до этого. Если мы будем решать задачу демократической модернизации в союзе с Западом, как будет выглядеть мир через 10 лет, когда этот сегодняшний кризис станет достоянием истории, и мир выйдет из него? Не получится ли так, есть очень популярная версия, что триумфатором XXI века будет вовсе не Запад, а Азия, Тихоокеанский регион с доминированием, скажем, Китая, Японии, Южной Кореи, других «драконов» поменьше или покрупнее. В этой связи не получится ли так, что мы будем строить альянс с Западом, который будет угасать, а на самом деле будет подниматься солнце на Востоке? Я думаю, вы уже можете сделать вывод, экстраполировав те полтора года реализации программ американских, ЕСовских. Вы уже видите материал об этом. Т. е. можно уже примерно предвидеть, какое будет соотношение сил через 10 лет. И в этой связи просто в дополнение к тому, что говорил Сергей Александрович Караганов, очень любопытные вещи у нас происходят с Китаем. Китай имеет свою стратегию. Он давно мечтал получить доступ к ресурсам Дальнего Востока и Сибири. Сейчас, воспользовавшись трудностями Игоря Ивановича Сечина и «Роснефти», которым позарез нужны деньги, чтобы оплатить счета за оторванный и украденный «ЮКОС», они [китайцы] получили то, что им было нужно. Не выйдет ли так, что пока мы будем с вами строить концепции, Китай на самом деле уже начинает перетягивать Россию геополитически и геостратегически на свою сторону?

— **Алексащенко.** Я на самом деле книжку тоже прочитал и получил также большое удовольствие, потому что если мы хотим поговорить о задачах модернизации, о том, что надо сделать, книжка Сергея Константиновича в этом отношении очень полезная. Потому что он ставит там такое количество проблем, причем явно забегая совершенно зачастую не в свои области, в чем есть и сильные и слабые стороны. Если кто-то хочет составить повестку дня «Что такое модернизация и с какими проблемами нам надо справиться?», то там нет ответов зачастую на эти вопросы. Я так понимаю, что Сергей Константинович и не претендо-

вал на то, чтобы дать исчерпывающие ответы, но достаточно хотя бы просто перечислить эти проблемы.

А что касается сегодняшних уроков кризиса, я бы хотел остановиться на нескольких моментах. Один из уроков, который называет докладчик, это мировое сообщество не располагает эффективными методами координации экономической политики в глобальном масштабе. Собственно, первая самая позиция. Мне кажется, что проблема немножко глубже. Реально глобализация мировой экономики зашла очень далеко за последние лет 20—25 и гораздо глубже, чем нам многим этого хотелось бы или чем нам многим представляется. И сегодня в сегодняшнем мире зачастую глобальные корпорации действительно играют роль, которая существенно превышает роли многих государств, отдельных государств, я бы даже сказал государств, входящих в то, что называется «группа двадцати». Любая экономика, которая существует, в ней должны быть институты, которые как-то ее регулируют, ограничивают, управляют. Короче говоря, тема возникновения глобальных институтов регулирования назрела и возможно даже перезрела. И Сергей абсолютно прав, когда говорит, что есть разные подходы и на самом деле, я бы сказал так, наброски этих подходов, потому что никто еще не понимает до конца суть этих проблем. Но мне почему-то кажется, что именно поэтому глобальной экономике предстоит еще раз окунуться в какой-то кризис. Уж больно коротким этот оказался. Вспомните, год назад говорили, что это крах, великая депрессия, сейчас все обрушится, новый мировой порядок и вообще... Он не закончился, но, вы знаете, он не закончился у нас. Парадокс состоит в том, что практически все страны мира как-то начали хотя бы маленькие, но позитивные темпы показывать, у кого-то больше, у кого-то меньше. Я полностью согласен, что еще мы не достигли, не вышли на траекторию устойчивого развития, но все равно, даже если этот кризис еще продлится или рецессия, стагнация уже вернее продлится какое-то время, я думаю, что это точно не последний кризис. И нам предстоит еще много интересного в этой части.

А дальше тема, о которой Сергей сказал замечательно, что мы не знаем того общества, в котором мы живем. И в этом отношении есть два момента, на которые я бы хотел обратить внимание, в чем я с ним не согласен. Должен я в чем-то не соглашаться с автором. Первое, что российское частное предпринимательство показало свою неэффективность. Точно совершенно не так. Оно показало свою абсолютнейшую эффективность, потому что, несмотря на всю абсурдность стратегии такой хаотической экспансии, которую проводили крупнейшие российские конгломераты, несмотря на то, что к кризису, к моменту спада в мировой экономике практически все российские корпорации подошли с накопленными долгами, в то время как правило является прийти к моменту кризиса с кэшем на счетах, они все смогли удержать свои активы, ну, за редким, редким исключением. И более того, очень многие из них смогли получить государственные деньги для того, чтобы удержать свои активы. Слушайте, вы понимаете, это ли не высочайшая эффективность в условиях кризиса, с огромными долгами получить государственную помощь, кинуть всех западных кредиторов, сказать им, что мы вам платим... Ведь это же уникальное преимущество российского бизнеса, потому что он спонсирует такую политическую среду, которая делает невозможным отъем активов, находящихся в России. И все западные кредиторы поняли, что все кредитные обязательства, все залоговые обязательства, которые есть перед ними, они не могут быть исполнены в рамках существующего российского законодательства, т. е. российский бизнес абсолютно эффективно защищен от требований западных кредиторов и он делает все, чтобы эта защита продолжала существовать. Поэтому мне, правда, кажется, нам может не нравиться такой стиль ведения бизнеса, можем считать, что он какой-то неадекватный, но бизнес абсолютно эффективен, абсолютно эффективная система защиты своих интересов.

Следующее, связанное с этим, что российская банковская система не трансформирует сбережения в инвестиции, трансформирует. Российская банковская система является частью мировой глобальной финансовой системы. И она участвует в ней. Просто мы российские сбережения трансформируем в инвестиции за рубежом. В том числе и те самые покупки российских компаний за границей, которые осуществлялись — это и есть экспорт капитала. Собственно поэтому, я считаю, что как раз система-то достаточно эффективная.

Последнее, самое печальное, с чем я не согласен, что выбор между авторитаризмом и демократией еще не сделан окончательно. Боюсь, что уже сделан. Боюсь, по крайней мере, теми людьми, которые сегодня стоят во главе страны, выбор сделан. Достаточно вспомнить здесь очень примечательную фразу президента Медведева в его статье «Вперед, Россия»

или «Россия, вперед», где он сказал, что к выборам губернаторов мы не вернемся еще лет 100. Это означает, что выбор уже сделан этими людьми. И печаль эта состоит в том, что общество этот выбор устраивает. Общество спокойно смотрит на то, что с ним вытворяют, на то, что с ним происходит, и как-то оно, я думаю, что на следующих выборах, даже если не будет приписок и фальсификаций и считать будут по честному, а не по правильному, то все равно результат выборов достаточно очевиден.

Здесь было сказано, что есть возможность разделить Украину. Вы знаете, у меня сегодня была очень длинная беседа относительно Украины с людьми, которые там живут и общаются. Они мне сказали, что несмотря на все представление о слабости президента Ющенко, с Украиной в его срок президентства произошли совершенно радикальные перемены. Там сформировалось гражданское общество, и там появилась настоящая свобода слова. И в этом они радикально ушли от нас. И союз с Америкой... Я не верю в какие-то союзы с Америкой. Слишком мы далеко и слишком у нас мало чего общего. Еще меньше я верю в союз с Китаем, с которым у нас вообще ничего общего, кроме того, что у нас есть сырье, а Китаю оно нужно. Это единственное, что нас с Китаем может соединять.

Для того чтобы у нас был демократический путь развития, нам просто нужно понять, что мы часть Европы, а не находимся в Азиопе, между Европой и Азией. Вот и все. И никакие союзы после этого не нужны. Не знаю, с XVIII по XX век Россия была в центре европейских событий, всех. После этого говорить, что у нас была другая история, другая культура, мне кажется, не совсем правильно.

— **Караганов.** Могу поделиться своим профессиональным опытом. Европа, во-первых, перестает быть субъектом, а, во-вторых, становится все менее привлекательной, к сожалению, для нашего общества в силу её внутренней эволюции.

— **Алексащенко.** Украина надеется в конце этого года подписать, по крайней мере президент Украины надеется подписать соглашение об ассоциированном членстве с ЕС. Это дает безвизовый режим. Вы нашему народу скажите, что за союз с Европой вам будет безвизовый режим в Шенген. Вы получите 90% поддержки этой идеи.

— **Ясин.** Я хочу сказать несколько слов, комментариев к тому, что было сказано, и, естественно, о книге Сергея Константиновича. Я считаю, что Россия это национальное государство. Нравится это, не нравится, но это факт. Можно сказать, мы хотим быть империей или что мы фактически империей являемся... Нет, мы не являемся империей и никогда больше ею не станем. Тот факт, что у вас есть два, три острова посредине России, где живут люди другой культуры, другой религии, и есть пояс на Северном Кавказе ничего особо не меняет. Это государство российского этноса и, что более важно, русской культуры. Я подчеркиваю, русской культуры. Поэтому есть та основа, на которой можно строить государство. А выбирать? Выбор у нас только один: либо строить националистическое авторитарное государство, либо строить гражданскую нацию. И в этом смысле, к сожалению, никаких других выборов нет. Империя таким выбором не является.

Теперь что касается Соединенных Штатов. Выбор в качестве союзника или, не знаю, страны, на которую мы должны ориентироваться, Соединенных Штатов, я считаю, что докладчик абсолютно прав, и никакого другого варианта у нас нет. Объясняю очень просто. Для России в экономическом плане, не с точки зрения выхода из кризиса, а с точки зрения долгосрочной исторической перспективы единственным шансом является инновационная экономика. Единственная страна в мире, которая сегодня является полноценным лидером инновационной экономики — это Соединенные Штаты. Все разговоры относительно того, что Соединенные Штаты в глубоком кризисе, что они во всех отношениях проваливаются, что это Римская империя в эпоху упадка — все это чушь.

Если вы следите за тем, что происходит там, какие дискуссии, какие у них экономические показатели, то это все будет ясно. Да, были довольно серьезные ошибки в финансовой политике со стороны правительства, со стороны Федерального Резерва и т. д. Было определенное развитие неконтролируемое финансовых рынков. Но самый главный фактор, я бы просто хотел на это обратить внимание, уровень производительности где самый высокий?

Где наиболее интенсивный поток инноваций? Значит, эта экономика наиболее жизнеспособная. Она находится в трудном положении, потому что она является лидером и идет впереди других. Она вступает на новую почву, я бы сказал, инновационной экономики, по которой она идет первая. И там сталкивается с тем, что в это время транснациональные корпорации со штаб-квартирами в Америке несут капиталы в Китай, привлекают дешевую рабочую силу, производят там аудиовизуальную технику, везут обратно продавать компьютеры и телевизоры в Соединенных Штатах. Да, всё это есть. Есть куча проблем, которые носят сиюминутный характер, конъюнктурный. Применительно к срокам данного кризиса. Даже если будет формула L , надолго, лет на пять — все равно эта ситуация не изменится.

Вы скажете, может быть, Китай будет у нас инновационным лидером, потому что в XXI веке реальным лидером может быть только страна с инновационной экономикой. Я свое мнение могу сказать. Китай сегодня достигает высоких темпов роста и привлекает общее внимание, и к нему обращаются восхищенные взоры самих американцев. Никто так не хвалит Китай как многочисленные американские экономисты и политологи. Но дело в том, что они переживают позднюю индустриализацию. У них еще есть резервы дешевая рабочая сила на 150 млн. человек. Это максимум 10 лет. После этого они наткнутся на культурный барьер, тот, с которым сталкиваемся сегодня мы, потому что мы хотя Европа, но все-таки немножечко Азиопа, и поэтому как бы те моменты, которые нас останавливают, они должны быть пережиты. Вопрос заключается в том, что у них еще есть 10 лет, а у нас этого времени нет. Поэтому нам надо как-то решать эти вопросы побыстрее, потому что если мы сейчас начнем считать, что Китай для нас ближе, чем Соединенные Штаты Америки, извините, тогда я как бы ни за что не ручаюсь.

Что касается Евросоюза. Дело в том, что Евросоюз не может с Турцией решить. Мы можем между собой спорить, то ли они не хотят с Турцией, потому что она близка к Соединенным Штатам или не хотят с Турцией, потому что она все-таки мусульманская культура. Мы не знаем, почему. Ну, не хотят. Вопрос заключается в том, что мы все-таки отличаемся от Турции. Мы-то европейская культура. И сколько бы ни говорили, мы все-таки после Петра Первого возвращаться снова к разговорам о том, европейцы мы или азиаты, это надо быть уж слишком коммунистами, извините. У меня такое ощущение. Потому что коммунистический Советский Союз конечно противостоял Европе, но он был сверхдержавой, атомное оружие и т. д., все равно мыслил себя в качестве члена европейского концерта, как говорили в свое время. Это мы стояли во всем мире рядом с Англией, с Германией, с Францией. Мы были такие же, как они, но только больше территория. А теперь мы находимся в другом положении. Европейцы это поняли. Они как бы объединились и дружат с Соединенными Штатами. А мы пока еще сомневаемся.

И последнее: был выбор сделан или выбор не был сделан? По-моему он все-таки не был сделан, но я обращаю внимание на одно последнее обстоятельство, на выборы 11 октября. Есть такие известные политологи, не буду называть фамилии, они придумали такое понятие — «дефектная демократия». Это как бы некий пояс стран, которые не являются странами либеральной демократии. Они недавно появились. А с другой стороны они авторитарные страны. Есть определение известное Даля относительно того, что такое либеральная демократия. Они с этим согласны. А с другой стороны они проводят такую линию, что если не соблюдаются или соблюдаются не в полной мере все принципы демократии, но все-таки имеются относительно свободные выборы, на которых не производится фальсификации в процессе самих выборов, то все-таки это дефектная, но демократия. А если начинают фальсифицировать выборы и если это приобретает крупные масштабы, то это означает, что граница перейдена. Я не уверен, что они правильно определили эту границу. Может быть, можно дать другие определения, но это определение было высказано, и оно, по-моему, демонстрирует свою применимость, по крайней мере, в одной отдельно взятой стране.

— **Дубинин.** Я не буду сейчас просто политесом заниматься, но все равно спасибо за выступления и замечания.

Я начну, как любой дилетант, мне очень хочется не о своем экономическом прежде всего сказать, а насчет военно-политического союза. В книге есть аргументация, которую по крайней мере никто не опроверг, как в той литературе, которую я прочитал после того, как опубликовал это в журнале и т. д. Эта аргументация по военно-политическому союзу в связи

с военно-стратегическим паритетом. У нас все держится — наш баланс с Соединенными Штатами, наши претензии на роль мировой державы и т. д. — на том, что мы обладаем этим паритетом. И не будучи инженером, я тем не менее убежден, что экономически мы не имеем ресурса его поддерживать далее. Будет ли создана система противоракетной обороны, будут ли просто развиваться даже неядерные технологии, которые мы не можем повторить сегодня, у нас нет этого технологического уровня. Мы с этого дела просто уже съезжаем. Мы не можем противостоять в военном отношении ни одним Соединенным Штатам, ни тем более им, когда они находятся в союзе со странами НАТО. Просто посмотрите на те масштабы экономики, производства и всего, чего хотите. Одна Россия этого не выдержит.

Да, конечно, мы останемся ядерной державой, которая, возможно, обладает потенциалом доставить несколько боезарядов на любую территорию любой страны мира, в т. ч. и США. Но таких стран уже помимо Франции, Великобритании, Китая, это уже Пакистан, это уже Индия, скорее всего список длиннее. Т. е. с южной стороны от нас в зоне достижимости нашей территории складывается мощнейший ракетно-ядерный потенциал, на который мы как-то должны реагировать. Это первый аргумент. Нам надо договариваться с той стороны, где мы можем гарантировать стабильность и понятность отношений. Но договориться с этой южной стороны, нам по крайней мере ни по какому еще параметру толком не удалось. И сказать, что здесь наша зона стабильности и опоры, и мы можем им доверять, по-моему, это колоссальный риск для нашей страны. Это один аргумент.

И если мы потеряем время и не договоримся с Соединенными Штатами, мы будем автоматически тратить средства и силы, то только через некоторое количество лет мы потеряем все наши козыри и вынуждены будем с ними договариваться уже в отсутствие этих козырей. Поэтому глупо терять время.

Второй аргумент это пример как раз европейских стран. Мы почему-то думаем, что если мы договоримся с Америкой, Европу это обидит. Да они счастливы будут. И они сами это сделали. Они возложили на Соединенные Штаты военные расходы в мировом масштабе, а себе позволили развивать экономику, социальную сферу, критиковать и ругать американскую цивилизацию за бездуховность. Мы ругаем, давайте будем вместе с европейцами ругать ее за бездуховность. Никто нам не мешает дальше это продолжать и чувствовать себя частью Европы. Но, прежде всего для того, чтобы вступить в эту Европу, в которой мы хотим как бы участвовать, я лично по крайней мере, нам надо получить стабильную ситуацию по военно-стратегическому паритету с Соединенными Штатами. Мы вынуждены будем от него отказаться на каких-то выгодных, я надеюсь, для нашей страны условиях. И именно таким способом мы спокойно сможем договариваться дальше с Европой.

И здесь есть сильный третий аргумент, о котором говорил Евгений Григорьевич [Ясин]. Дело в том, что Европе мы прежде всего нужны, кстати так же, как Китаю, как поставщики сырья. Ничего от нас они другого не ждут. У них там польских водопроводчик пугает, украинский водопроводчик и думают, что русский водопроводчик точно их пугает. Они не хотят, чтобы туда был наплыв от нас рабочей силы. И кроме нефти, газа, причем на тех условиях, которые их больше устраивают, на условиях волатильности цен, на условиях недопуска целого ряда наших фирм к внутреннему рынку и т. д., на этих условиях они готовы с нами работать. Ничего другого они от нас не хотят. Ну, еще наш рынок для сбыта продукции.

У нас нет столь сложных отношений в экономике с Соединенными Штатами. У нас есть, мне кажется, потенциал привлечения инвестиций, потому что Америка не будет считать это никаким вызовом для американской экономики, если они здесь разместят свои инвестиции и инновации. А потенциал инновационный, да, реально все-таки там выше. Не только выше, чем у России, он выше, чем где-либо в мире. Кстати это понял Китай и именно это и сделал. У нас нет даже, грубо говоря, министерства, которому было бы поручено привлекать новые современные технологии в экономику России.

Мы до сих пор стремимся создать инновационную экономику в России без иностранного опыта и без иностранных денег. Это настолько нелепо, что трудно даже комментировать. Я ставлю эти вопросы в книжке, но я даже просто не могу понять. Я задавал эти вопросы в наших министерствах: а вот вы за это отвечаете? Никто никогда им ничего подобного не говорил и не поручал.

Да, что-то я, слово «инновации» было действительно употреблено еще в советское время, где-то на одном из пленумов впервые появился этот термин. С тех пор 30 лет мы все

выясняем, как бы нам инновационную экономику построить. Пока с тем результатом, который мы имеем.

В этой связи у нас есть то, что я хотел бы сказать Сергею Владимировичу [Алексащенко] тоже как бы в полемике. Проблемы, которые нам не позволят жить той эффективностью — эффективностью лоббирования, эффективностью связей с бюджетом... В бюджете денег просто не хватит на эти связи, на это лоббирование, на спасение бесконечное автоВАЗов. Мы сами не хотим себе дать отчет очень часто, и широкая публика об этом точно не знает, я пытался на «Эхо Москвы» говорить и т. д., но вопросы-то все те же самые звучат. У нас экономика глубочайших дефицитов, не дефицитов только денег на что-то, газ сегодня дешев только потому, что это еще по советской себестоимости записано соответственно в бухгалтерском учете, что его добыча столько стоит по еще тем ценам до 1991 года, т. е. амортизация происходит еще та. Если мы на севере Ямала будем добывать или на шельфе моря, то сама стоимость добычи этого газа — это примерно цена в центре России, а может быть даже в центре Европы. Только добыча, без транспорта, без всего. Мы глубоко дефицитны по углеводородам многим. Нефть у нас дорогущая. При той цене, по какой будет добываться нефть следующие 2—3 десятилетия, то это можно битуминозные пески в Канаде разрабатывать. А там безграничный объем углеводородов. А одновременно это подталкивает собственно всю Западную Европу и Соединенные Штаты к «зеленым» энергетическим программам и т. д. И неэффективность использования этих ресурсов просто ведет к катастрофе экономической. Мы просто будем стагнировать тогда на протяжении многих десятилетий. Поэтому у нас все-таки все реформы происходят, честно говоря, от безвыходности. Я думаю, что очень скоро мы эту безвыходность почувствуем.

Разные политические вокруг этого могут быть неприятности. Кстати, эти политические неприятности совершенно не обязательно связаны с нашим прошлым как империи или российского исторического сознания, коллективизма и прочее. Я глубоко убежден, что тоталитарное общество — это продукт западной цивилизации. И те исторические имперские как бы пережитки или общинные пережитки — это к сталинскому тоталитарному государству имеет весьма косвенное отношение. Одновременно в Европе, кстати, господин Миллер об этом тоже написал, говорю тоже, что это получилось так, что у меня это тоже было самостоятельно. Если в 1940 году мы посмотрим на Европу, то увидим, что вся Европа авторитарная, диктаторская и тоталитарная, за исключением Великобритании, которая от этой Европы отбивается с трудом. И при чем здесь протестантская этика? При чем здесь все наши рассуждения о глубокой истории европейской? Эта история может быть развернута в тоталитаризм. Это реальная угроза. И для России сегодня снова развернуться, но и, к сожалению, наверное в какой-то ситуации для других стран Европы может это быть. И если мы сумеем этого не допустить сами здесь у себя, то поможем всей Европе этого избежать.

И последнее, я согласен опять же с Евгением Григорьевичем. Понимаете, нравится нам или не нравится, но единственная законная легитимность государства сегодня только на базе национального государства. Так сложилось во всем мире. Мы думали, что мы это как-то проехали и Советский Союз — это что-то другое. Выяснилось, что ничего другого. Не надо громко и долго рассказывать, что произошло в 1991 году. Произошло не потому, что в Беловежье встретились три человека. Просто к этому пришла история страны. Из тоталитарного общества мы вышли как все европейские государства в национальное государство. Да, оно базируется на русском этносе. Было бы конечно неплохо, если бы украинский этнос с нашим ассимилировался, сливался, тем более он был, с моей точки зрения, имперским в смысле центра, как бы империи в свое время. Вообще-то если так рассуждать чисто по гражданскому, то у нас в последние годы Советского Союза, не самые последние, а несколько десятилетий после войны, руководители были все с Украины. Это теперь они говорят, что Хрущев и Брежнев — это не их как бы. Если рассуждать не по этническому принципу, а по, скажем, общегражданскому, то союзная элита сформировалась в значительной степени с участием украинской элиты. Вот Советский Союз был таким государством. Это нормально было тогда. Это совсем не обвинение. Это наоборот можно только приветствовать. Но не случилось. В лучшем случае мы теперь сможем стать с ними союзниками, если договоримся с Соединенными Штатами.

— **Савостьянов.** Я помню, фильм такой был «На Дерибасовской хорошая погода...». Там звучала одна лапидарная фраза: «Кац предлагает сдаваться». Так вот, когда Сергей

Константинович публиковал свою статью, появилась такая издевательская заметка одного из блогеров, где говорилось о том, что Кац предлагает сдаваться американцам, потому что не стоит поддерживать военный паритет. Какая все-таки хитрая очень история. Не успел человек стать автором книги, которую мы обсуждаем, а мы уже начинаем сдаваться Китаю, продавая ему целые концессии на собственные территории. Я бы хотел в порядке комментария, я книгу прочел, хотя без блата купил ее в магазине, хотел бы сказать, что два числа мне внушают в этом смысле некоторые грустные мысли. Первое: в течение максимум 25 лет закончится углеводородная эпоха, т. е. по сути дела углеводороды как главный носитель энергетики сойдут с мировой сцены.

Если кто из вас читал выступление Обамы в марте, то там стоит весьма амбициозная задача на 80% сократить выбросы углекислого газа. А это, кто понимает химию, означает на 80% сократить потребление углеводородов. Если к этому добавить то, что разработка битуминозных песков Альберты, о чем уже один из выступавших говорил, станет фактом, а туда уже вложены огромные средства, и в 2014 году объем производства составит 225 млн. тонн, с полным отказом от импорта углеводородов из зоны Персидского залива, то мы ясно должны понять, что наше сегодняшнее благостное состояние за счет экспорта углеводородов в первую очередь, оно обречено в недалеком будущем закончиться. Мы потеряем экономическую основу бытия нашей страны.

Второе относится уже к национальному вопросу, который мы сегодня обсуждали довольно много — империя или национальное государство. Вроде бы можно согласиться с тем, что мы сегодня говорили, но давайте подумаем об одном, как наша концепция национального государства укладывается в тот простой демографический факт, не прогноз, а факт, что через 40—45 лет наша страна будет преимущественно исламским государством по своему этническому составу? Ну и что ж, продолжаем тогда настаивать на идее национального государства или мы говорим о том, что страна должна радикально поменять свои границы, конфигурацию и состав, и тогда должны остаться национальными государствами на территории бывшей России? Это второй очень важный фактор.

Третье, сегодня здесь прозвучал несколько раз обращенный к Сергею Константиновичу вопрос, а, собственно говоря, на фига нам союз с Соединенными Штатами? Давайте все-таки посмотрим на сегодняшнюю политическую карту мира. Практически все, можно сказать 90% горячих точек на карте мира сегодня находятся в южном подбрюшье России. Европа, о которой мы говорили, это благополучный континент, богатый, с великолепным культурным наследием, технологически продвинутый, с которым можно торговать, сотрудничать и т. д., но в Европе существует два рубежа защиты. Первый рубеж — это американский военный зонтик, а второй — то, что называют «Большим Барьерным Рифом», это Египет, Израиль, Турция, России, которые такие полудемократии, которые отгораживают Европу от бушующих волн мирового океана. И все горячие точки мы можем перечислять довольно долго. Это и зона арабо-израильского конфликта, и курдский регион, Иран, вообще территория проблемы с точки зрения нераспространения ядерного оружия. А в зоне будущих водных конфликтов, где уже сегодня надвигаются колоссальные проблемы, связанные с водodefицитом, и наоборот зоны глобального затопления — это все к югу от нас. И никто не может нам помочь в укрощении этих проблемных узлов, кроме Соединенных Штатов. Но эти же проблемные узлы являются огромной головной болью Соединенных Штатов. В этом смысле мы имеем объективную основу сотрудничества. Никто кроме Штатов не даст нам путь к настоящей технологической модернизации.

И последнее, что хочу сказать, я очень скептически отношусь к перспективам Китая. Еще лет 10 назад, принимая делегацию первых секретарей обкомов в Китай, я сказал, ребята, у вас большие проблемы еще впереди. Вы там в будущее не смотрите очень радужно. Я считаю, что Китай сейчас это Советский Союз 1930 годов, со всеми его вывесками, быстрым ростом, террористическим режимом и внешней привлекательностью как ни парадоксально. Но это быстро пройдет.

— **Шелов-Коведяев.** Тут возникал вопрос, куда нас могут принять Соединенные Штаты? Ответ уже содержался в докладе, поскольку речь шла в частности о НАТО. И в этом смысле хотел обратить внимание на то, что парадоксальным образом в течение последних нескольких месяцев оба первых лица нашего государства говорят о том, что необходимо

строить общую систему обороны ровно в северной четверти Земного шара. Понятно, что начинать строить общую оборону можно даже со стратегическими партнерами и даже просто с партнерами, но закончить строить общую систему обороны можно только со стратегическими союзниками. Это несмотря на то, что в концессию сдается Китаю и т. д. В принципе как бы они говорят правильные вещи, правда, я не убежден в том, что они их хоть как-то рефлексируют, не то что правильно рефлексируют, а хоть как-то рефлексируют. Но тем не менее вполне понятно, куда можно прийти.

Другой вопрос, который тоже здесь звучал, по поводу альтернативы Азиатско-Тихоокеанского региона. Я, честно говоря, здесь никакой альтернативы особенной не вижу, потому что половина глобального Запада, едва не половина «глобального Запада», находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И даже если там будет это развитие происходить, то я здесь не вижу большого противоречия.

На что мне хотелось обратить внимание в стилистике что ли, в модальности обсуждения сегодняшнего, прежде всего в выступлении докладчика. Мне думается, что многие аберрации, которые у нас возникают в связи с оценкой и начала 1990-х годов и того, что потом с нами происходило, связаны с тем, что мы неправильно называем само событие, которое произошло в 1991 году, потому что чаще всего его определяют как революцию. И в частности докладчик тоже это определил как революцию. Дело в том, что революция это не просто историческое понятие из исторической науки или из социологии, или из лингвистики. Революция — это прежде всего, как мне представляется, понятие из сферы политической философии. Это больше политическая философия, это имеет совершенно четкое определение: революция как слом естественного хода жизни, естественных форм жизни. В этом смысле да, в 1917 году была революция, которая в экономической сфере отказалась от естественных форм реализации экономических потребностей человека. И то, что произошло в 1991 году, это была контрреволюция в этом смысле. И в других во многих социальных областях это тоже была контрреволюция. И если рассуждать в этих рамках, конечно, это было возвращение к естественным формам жизни.

И совсем последнее маленькое замечание относительно тех опасностей, о которых говорил докладчик, и возможностях или способностях их избежать. Я хотел бы сказать, что в том случае если нам не удастся восстановить силу, как культурного ядра, силу ядра русской культуры, то, безусловно, большого будущего нашей стране и нашей нации в политическом смысле этого слова, пожалуй, нет.

— **Давыдов.** Большое спасибо Сергею Константиновичу за очень умную книгу, за интересное выступление, пробуждающее мысли. Но мне кажется, в нашей дискуссии произошло непоправимое, а именно: она не раздвоилась, она расстроилась. В том смысле, что у нас уроки кризиса, у нас геополитическая ориентация и даже национальная идентичность и что такое мы. По всем этим вопросам очень трудно высказываться и сразу вести дискуссию невозможно. Я внимательно и с большим интересом слушал Сергея Константиновича. И конечно, хотелось бы, чтобы его предсказания, предположения, прогноз сбылись, но я знаю немножко американцев. Да и вы многие знаете американцев. Разве американцы хотят того же, что хотим мы? Разве они нас ждут? И почему мы должны класть все яйца в одну корзину, сразу возникает вопрос? Мы знаем в истории очень много случаев, когда клали яйца в одну корзину, и получалось плохо.

Тут приводился Сергеем Константиновичем латиноамериканский пример, который мне, естественно, дорог, это пример Аргентины. Но есть и пример Мексики. Что произошло с Мексикой, которая граничит с Соединенными Штатами? Что такое сегодня Мексика? Это страна на грани гражданской войны. Это страшное падение валового внутреннего продукта. Это потеря управляемости государства, и это весьма высокая вероятность возвращения КПСС к власти. Только там это называлось не КПСС, там тоже было 70 лет, но это ПРИ [Институционно-революционная партия]. Хотелось, чтобы мы задумались. Поэтому я думаю, что выставлять себе какие-то завышенные приоритеты с точки зрения практической, с точки зрения real politik наверно несообразно. Почему нельзя идти по конъюнктуре? Почему нельзя работать на тех фронтах, где нас ждут?

Извините меня, Соединенные Штаты, казалось бы, для того чтобы определить естественные основы для взаимодействия. Возьмем статистику товарооборота между двумя стра-

нами. Когда она была достаточно внушительной для нашей страны? Это очень бедный торговый обмен. Может быть, вы скажете, что инвестиций много из Соединенных Штатов и что, задрав штаны, американский крупный бизнес побежит в Россию вкладывать деньги? Нет. Насколько мне известно, они очень критично относятся к России. Они относятся с подозрением. Иногда мы сами виноваты, иногда это предубеждение, а иногда это геополитический расчет. Мы не нужны им как сильная категория, как большая весовая категория на мировой арене. Вы докажете, пожалуйста, я хотел бы в этом убедиться, я даже был бы рад в этом убедиться.

Из этого, на мой взгляд, следует вывод, что, опять же возвращаясь к образу яиц в корзину, что нужно работать там, где мы пробиваемся на зарубежных рынках, т. е. работать как цивилизованный и расчетливый предприниматель. Не ломиться в закрытую дверь, а идти туда, где можно продать наш товар, и где он окажется конкурентоспособным.

— **Некипелов.** Я хотел сказать, что у меня была возможность познакомиться с книгой Сергея Константиновича. Я ему признателен за это. Честно сказать, не сумел все прочитать. Просмотрел все, прочитал в первую очередь раздел, касающийся современного мирового кризиса. Очень мне понравился раздел. Вообще книга понравилась в той части, которую я читал, но я убежден, что это относится ко всем ее частям. Во-первых, блестящим языком и, во-вторых, при этом с большим количеством очень полезной информации, свидетельствующей об очень глубоком проникновении автора в предмет, которому книга и посвящена. Я поздравляю Сергея Константиновича с выходом этой книги. Я действительно убежден, что книга очень полезная и свою службу важную сыграет.

Я хотел бы высказать несколько коротких своих впечатлений по тем проблемам, которые стали предметом дискуссии сегодня.

Прежде всего, по той теме, где я специалистом не являюсь. Всегда особенно приятно об этом говорить. Я скажу, как я это воспринимаю. Конечно, очень легко критиковать нынешнюю политическую систему. Я просто хотел спросить: а у нас что, до этого была идеальная система? Даже в терминах, которые Евгений Григорьевич употреблял, у нас что, в 90-х годах все выборы были идеалом? Мы точно знаем, кто победил в 1996 году на выборах в первом туре? Мы точно с вами знаем, каким образом проголосовали в 1994 году за Конституцию? Я говорю к тому, что мы не должны делать вид, что у нас в 90-х годах была идеальная демократия, а, начиная с 2000 года, все радикальным образом изменилось. И потом если мы хотим, чтобы были какие-то реальные выводы, для будущего имели значение, то важно, вообще-то говоря, интерпретировать и тот факт, на который сегодня уже ссылались. Ведь в значительной степени этих слов не говорилось, но смысл-то был такой, что демократия в значительной степени оказалась дискредитированной в глазах российского населения. Не этими словами, но было сказано примерно это же самое, когда говорили о том, что нынешняя система поддерживается большинством российского населения. И что даже без всякой фальсификации выборов результат был более или менее такой же. Мне кажется, это надо иметь в виду. Это важно очень.

И второе уже по поводу экономической системы. Сергей Константинович подчеркнул, насколько несовершенна, или в терминах Сергея Александровича [Алексащенко], насколько эффективная у нас создана экономическая система; насколько несовершенен или эффективен в терминах Сергея Александровича частный сектор, насколько эффективен, не эффективен, как хотите, наш государственный сектор и т. д. Опять вопрос: а это что, тоже с 2000 года все возникло? В 1990-е годы, с самого начала, когда проводились реформы, когда говорили о том, что нельзя так подходить к реформам, нельзя рубить, нельзя ставить задачу — лишь бы приватизировать, а там дальше само все хорошо будет. А что мы сегодня говорим, удивляемся, что у нас нет. Да, конечно, советская экономика не была экономикой высокотехнологичной. Но в ней были сектора высокотехнологичные. Но мы же их успешно ликвидировали. И когда ликвидировали? Мы их в 90-е годы ликвидировали, не когда-то. Понятно, что была масса всяких факторов, которые этому способствовали, но мы же это сделали в 90-е годы. Поэтому, мне кажется, и реакция населения-то, вообще говоря, становится более понятной. Надоело ему это. Это не значит, что то, что существует и действует — там масса претензий и масса глупостей делается, и всего. Но 90-е годы слишком глубокий отпечаток оставили. Я об этом хотел сказать.

— **Гозман.** Я хотел две вещи сказать. Поздравить Сергея Константиновича. Мне кажется, что книжка, кто-то сказал, что она будет полезной или не полезной, это я не знаю. Этого вообще никто не знает, как слово наше отзовется. Но мне очень симпатична сама идея, когда человек написал книгу о том, что его волнует, не оглядываясь на то, имеет на это право или нет. У нас же в науке все разделено — эта кафедра про это, а эта кафедра про это. А такой ситуации, когда человек, который занимался финансами, энергетикой, поскольку почти 10 лет вместе работали в РАО ЕЭС, а он взял и написал книгу о стране. Мне кажется это поведение интеллигентного человека.

У нас постоянно идет разговор о том, что в России нет интеллигенции, что с ней что-то случилось, она ушла куда-то, еще что-то. Я имел возможность Сергею Константиновичу как-то сказать, что эти рассуждения, как мне кажется, опровергаются фактом его существования. Всегда, когда чего-то нет, можно привести пример и сказать, вот есть же конкретный пример, значит, это явление еще существует. Мне кажется, что Сергей Константинович в частности этой книжкой доказывает, что русская интеллигенция существует.

И теперь вопрос по содержанию. Я согласен и с автором, и с частью выступавших здесь в том, что нам абсолютно необходим стратегический союз с Соединенными Штатами. Я знаю, что есть возражения против этой точки зрения. Я придерживаюсь именно ее. Но вы знаете, это тот случай, когда надо уговорить графа Потоцкого. Сонечку, допустим, уговорим, но с графом Потоцким есть сложности. Все присутствующие здесь имеют контакты с Западом профессиональные, личные. И вы знаете, как к нам относятся. Причем относятся не только к существующей политической системе, к ее персонификаторам, особенно к одному из них, и т. д. Как относятся к нам вообще? На нас в общем махнули рукой. Есть некое понимание, что да, конечно географию не отменишь, Австралию вместо России сюда не посадишь просто на эту географическую поляну, но в общем это такой сосед, что врагу не пожелаешь. Мы в смысле. И что ничего хорошего из нас получиться не может. И соответственно мы не можем быть партнерами. Мне кажется, что это очень распространенная точка зрения. Причем на нас настолько не обращают внимания в каком-то смысле, я уж не говорю, что это может прозвучать как-то в унисон с этой обидой, что нас там унижают, еще что-то. Я совсем про другое говорю, совершенно прямо про наоборот. Но мы себя так ведем, что нас перестали воспринимать нормальными партнерами. Отдельных из нас, да, конечно. А нас как страну — нет. Это видно и по тому, какие планы строятся.

Пару лет назад я был на одной тусовке, которую проводили европейские правопоцентристские партии. И там британские консерваторы подготовили доклад о будущем НАТО на 30 лет. Это толстая такая штука. Я ее естественно стал читать в поисках слова «Россия». Интересно же. Я нашел слово «Россия». Там 150 страниц было примерно. Было полторы строчки. Было сказано, что надо продолжить «Партнерство во имя мира». Все. Т. е. понимаете, нас как партнеров не видят. И это ответственность не знаю чья, не важно, Рюрика, динозавра, Ельцина, Буша — не имеет значения. А имеет значение другое, что в 90-е годы, в начале 90-х был шанс, который был упущен, но был шанс реальный. Сейчас он упущен, и упущен, наверное, надолго. Но, по-моему, наша ответственность, сидящих здесь людей или таких как мы, она не только в том, чтобы сказать, кто с этим согласен, что нам необходимо стратегическое сотрудничество с Соединенными Штатами по тем-то и тем-то причинам. А наша ответственность состоит в том, чего не сделают политики ни с нашей стороны, ни тем более с западной стороны, сделать то, что теперь называется «дорожной картой». Эта «дорожная карта» может быть на 40 лет, на 50 лет. Я не знаю, на сколько, но результатом в конце должна быть полная интеграция России, полная интеграция России во все экономические и военно-политические союзы демократических государств. Это уже вряд ли будет называться НАТО, просто в силу того, что упущена была возможность, именно должно называться как-то иначе, но сегодня такую задачу — полной интеграции России в эти союзы — не ставит практически никто. Мне кажется, ее ставить надо именно сейчас, потому что с приходом новой администрации США возникли определенные надежды. Эти надежды скоро пойдут на убыль просто потому, что очарование всегда сменяется разочарованием. Это неизбежно. Но даже нынешняя американская администрация, которая в общем к нам относится собственно позитивно, мне кажется, т. е. по-человечески, она не ставит задачу реальной интеграции. Она задачу реальной интеграции не ставит. Но сегодня ее можно поставить. И эту дорожную карту можно делать. Нам говорят, когда я несколько раз пытался это говорить каким-то западным

своим друзьям, мне говорят: нет, а вы сначала установите порядок в средствах массовой информации или с правами человека, или с выборами и т. д. Мы не установим сначала. Мы можем установить порядок во внутренних делах по этой сфере в том случае, если линия на интеграцию с демократическими странами будет серьезно заявлено, но будет если не доминирующей, то по крайней мере не маргинальной, тогда у нас есть шанс и на решение внутренних проблем. Но без нас этого точно никто не сделает, такую дорожную карту.

— **Караганов.** Спасибо за две вещи. Во-первых, в начале вы практически произнесли тост за последнего интеллигента. А второе, за то, что вы очень четко сформулировали очень важную идею, которую даже Сергей Константинович не так ясно формулировал, которую многие в дискуссии обходили.

— **Дубинин.** Я должен ответить прежде всего на вопрос о прогнозе на будущее. Когда мы находимся в такой сложной ситуации, то единственный способ прогнозирования, другого не дано, это выработать несколько сценариев. Потому что однозначного тренда нет в развитии нашей страны, экономики даже глобальной. Если взять чисто экономические параметры, сейчас все равно надо исходить из вероятности некоторых, большей, меньшей вероятности определенных сценариев. И здесь вспоминается очень старинный времен перестройки анекдот о том, что есть реальный сценарий и есть фантастический. Реальный сценарий, что с Марса прилетят, наконец, марсиане, и здесь все реформы нужные осуществят. А фантастический — что мы сами в нашем Советском Союзе возьмемся, наконец, и сделаем эффективную экономику, политическую, демократическую систему и прочее. К сожалению, сегодня и в этом зале, может быть и шире, мы как бы опять примерно о том же. Я сразу хочу сказать, с Некипеловым мы учились вместе, я очень ценю его знания. Я с ним, в общем, абсолютно согласен. 90-е годы — это не идеал, не то, ради чего эту революцию делали. Но революция тем и плоха или хороша, что это достаточно стихийный и трудноостановимый процесс, пока она не выдохнется. И действительно эти годы были очень тяжелыми, но они давали альтернативу.

Я уже говорил о том, что и выборы можно было туда, сюда поворачивать. Альтернатива 1998-99 годов, когда опять мы стояли перед выбором — придет у нас один тандем к власти или другой, и что из этого получится. И импичмент президента вполне вероятный. А кто делает эти выборы? Делает выборы в общем-то элита российская. Это небольшой слой реальная политическая активность захватывает, как известно, не всю страну целиком глубоко на все 100% населения.

Я хотел бы этой книжкой, чтобы люди, скажем так, аудитория «Эхо Москвы», хотя бы вопросы сами себе начали задавать в тех областях, о которых я пишу, чтобы здесь не воспринималось что-то на веру из учебников истории КПСС, или в лучшем случае из учебников, написанных в XIX веке для церковно-приходских школ в Российской империи. Чтобы вопросы себе люди задавали. И дальше попытались осознать свой интерес. Ведь сегодняшнее сознание элиты, я не социолог, но я прочитал очень много и до книги, и когда текст писал, оно глубоко расколото. Свои интересы осознаются как очень ирреалистические, в лучшем случае как интересы семьи. Одновременно вера в том, что мы коллективистское общество, что мы где-то там все очень духовно богаты, и что это все наследие опять же древней истории, почему-то сегодня живое. Почему, в какой форме живое, не понятно.

И когда начинают приниматься решения, то эти слои, массовое подсознание начинает пробивать себя очень противоречиво. С одной стороны очень корыстный интерес, который надо немедленно получить, а с другой стороны ориентация на эти мифы и на миф великодержавности, например, что мы в состоянии, если наш самолет слетал с бомбовой нагрузкой, пролетел около Гренландии, что мы уже как бы встали с колен и стали снова великой державой. Если наш корабль доплыл до господина Чавеса, то значит, мы опять же восстановили какое-то влияние в Латинской Америке. Эти иллюзии массовые, потому что если послушать то, что люди на интерактивном канале «Эхо Москвы» или интерактивном канале «Русское радио» Доренко — какие вопросы задают и т. д. А большая часть вопросов двух типов — а что будет с моими сбережениями и будет когда-то девальвация-то у нас опять или это все неактуально сегодня? И сразу, а как же наша держава, где мы тут можем что-то такое доказать? И очень мало интереса к повседневной жизни, к тому, как говорил профессор, в сорти-

рах чистота была. К этому интерес минимальный. И это беда. Она в 90-е годы тоже повылезала из всех дыр. Крайний корыстный интерес.

Я об этом пишу в книжке, но невозможно было сделать эту приватизацию по уму, это я опять же моему товарищу Некипелову пытался много раз говорить и доказывать. Просто потому что тогда надо было либо менять внешний долг на эти активы, по условной цене западные бы инвесторы забрали и списали бы нам внешний долг. Либо продавать за одну марку, как продавали в ГДР. Потому что другой цены этих активов не было. А вот для красного директора, генерального директора известного нефтяного объединения это был актив. И он его хотел забрать. И если бы ему не дали, то он бы поддержал тех, кто его оставит во главе этого объединения. Т. е. он четко делал выбор — Ельцин, Зюганов — не из идеологических, не из мифологических соображений, а по понятному принципу — чей будет ЛУКОЙЛ? Чей будет ЮКОС? Господин Муравленко, а не Ходорковский получал тогда это дело в свое распоряжение. А зарплату, не там обязательно, а в «Норильском никеле», это я знаю точно, ко мне приходили рабочие в Минфин, зарплату прекратили платить, пока они не отдали все свои акции. Отдали акции — большой привет, хорошо. Можно зарплату платить. Палладий продавался на внешнем рынке? Никель продавался? Продавался. А директор, Герой социалистического труда, кричал рабочим: «Вы демократии хотели, вот вам ваша свобода. Нет у меня для вас денег». Вот так это было. Это было в тяжелейшей борьбе. Конечно это не идеал демократии, когда это все происходит на твоих глазах. И каждый раз мы делаем эти выборы, исходя из раздваивающегося сознания — из сознания собственного интереса и сознания неких навеянных мифологических величин.

Вот так же мы, к сожалению, по внешней политике, мне кажется, очень часто работаем. С одной стороны очень утилитарные оценки ближайшей перспективы на короткой дистанции, а с другой стороны — давайте все-таки мы будем союзниками, скажем, давайте возглавим что-то, вот так даже. Не просто будем союзниками, а где мы там во главе можем оказаться. И в этом отношении мне хочется сказать, что очень понравилось выступление одного синолога, который знает китайский язык, я его не знаю. Он сказал совсем недавно в связи с тем, что отмечалась годовщина в Китае их революции. В Китае нет вообще термина «брат», а есть «старший брат», «младший брат». И когда мы говорили о братских отношениях, то в 40-е—50-е годы они соглашались, да, мы — младший брат, Советский Союз — старший брат. А я сразу вспомнил о том, как я был в Китае в делегации тогда Центрального Банка, и как они говорили: мы хотим вернуться к братским отношениям. Наши переводчики нам все время это переводили. Но вы тогда нам помогали, а мы теперь поможем вам. И я теперь уже понимаю, что они-то говорили по-своему и очень правильно. Теперь мы старший брат у вас, ребята, а вы у нас младший брат. И мы вам поможем в меру своего понимания, что вам полезно.

Поэтому в эту сторону идти, как бы не хочется просто потому, что да, чужая культура, не хочется в авторитарное общество возвращаться. Это не значит, что нужно с Китаем прийти в военное столкновение. Не дай Бог! Кстати, немножко скачок мысли, но Китаю почему-то мы можем отдать остров, выравнивая границу, за который пролита кровь русских советских солдат — Даманский, а Курильские острова мы почему-то не можем отдать. Из этой самой мифологии. Вот дилемма, которую мы решаем.

Я думаю, что мне про Мексику надо как-то отреагировать, мое понимание. Мексика по двум причинам или три могу назвать причины. Две из них больше экономические, а третья как раз социальная. Да, Мексика дошла до того состояния, до которого она дошла. Во-первых, они вообще не попытались воспроизвести там либеральную западную демократию, став союзниками Соединенных Штатов. Это очень хороший пример. Мы можем тоже так же, кстати, как и Турция, стать союзниками Соединенных Штатов, и на самом деле ни к какой демократии при этом не приходиться. Это тоже альтернатива. И в принципе это нам может, грубо говоря, «угрожать» — стать союзниками, но не построить демократию. Я как раз не думаю, что для нас союз с Соединенными Штатами — это гарантия демократического развития. С этого только начнется разговор. Это первое про Мексику.

Второе, у них нефть закончилась. У нас тоже скоро будет истощаться, по крайней мере, легко добываемая и дешевая, которую можно продавать и конкурировать при этом с Саудовской Аравией.

И третье, это, конечно, наркомафия. Насколько я знаю, я могу и ошибаться, но она сожрала это государство. Та вертикаль власти, вся эта их, это всё абсолютно сейчас поглощено этой мафией. И то, что это общество придет к вооруженным столкновениям либо полевых командиров, между собой воюющих, либо какая-то централизованная сила будет просто воевать с этими основными, тем, кто сейчас получил контроль. Это неизбежно. Это один из сценариев, который нам бы очень не хотелось увидеть. Поэтому я думаю, что вообще-то у нас сбываются средние сценарии. У нас не лучшие и не худшие, а как-то так мы все 90-е годы прожили по этому среднему сценарию.

Я все-таки надеюсь, что нам удастся и с точки зрения экономического роста и т. д. последовать за европейскими странами. И на ближайшие 10 лет стабилизировать политические отношения и с Европой, и с Америкой, при этом не поссорившись с Китаем.

Вы знаете, когда технологии в основном перенимаются, а не генерируются обществом, то можно получить японское или южнокорейское экономическое чудо. А потом вдруг японское общество стагнирует 10 лет. Прекрасно люди живут, все нормально, но никакого развития внутреннего у них нет. Нет внутреннего технического потенциала, который бы шел изнутри. А американцы со всего мира стаскивают к себе умы, в т. ч. из России, из Европы, из развивающихся стран, и там генерируется эта самая инновационная мысль. А в Японию очень трудно приехать. Если уж Китай и подведет когда-нибудь, это тоже их замкнутость. Конечно там из миллиардов людей можно выбрать гениальных, но НИОКР там пока слабоваты. Поэтому лидерство с точки зрения производства ВВП Китай будет через 5 лет второй державой, по объемам точно будет. А с точки зрения динамики будущего у них будет много вопросов. Я надеюсь, что они не свалятся в развал, опять же в полевых командиров и во все это безобразие, которое у них в стране происходило тысячелетиями. Нам это тоже ни к чему на нашей южной границе. Но и гарантии такой, что они и дальше будут по 10% или по 15% рост ВВП обеспечивать, нет. Нет такой гарантии. Ни у кого нет. Чем страна больше, тем естественно темпы ниже, в смысле экономика больше в стране.

— **Караганов.** ... Мы начинаем понимать, что мы не только на тупиковой, но на ниспадающей траектории развития. Идем по пути Мексики без всякого, у нас есть своя коррупция. Нам ее хватит без наркомафии. И слава Богу, мы начинаем всерьез обсуждать проблемы своей страны. Кстати, еще недавно в такой аудитории все бы разделились. Часть были бы правые, часть левые, переругались бы. Сейчас мы фактически едины. Мы чего-то начинаем понимать, что надо объединяться. Спасибо Сергею Константиновичу за то, что он заставил нас быть вместе.